

Введение

Пытка — злое и порочное посягательство на права и достоинство личности, преступление против человечности, ничем не оправдываемое. Или оправдываемое? С этой сложнейшей дилеммой в ноябре 1956 года в Алжире столкнулся Поль Тейтган.

Тейтган, герой Сопротивления, неоднократно подвергавшийся пыткам в концлагере Дахау во время Второй мировой войны, служил генеральным секретарем префектуры города Алжира. Фернана Ивтона, коммуниста и сторонника националистической революции, задержали на месте преступления при установке взрывного устройства на газораспределительном заводе, где тот работал. Однако была еще одна бомба, которую надо было найти. Ее взрыв мог унести жизни сотен ни в чем не повинных людей. Ивтон не говорил, где она, а начальник полиции отчаянно пытался убедить Тейтгана применить допрос с пристрастием:

«Однако пытать его я отказался. Весь день я трясся. В итоге бомба не сработала. Слава богу, я оказался прав. Поскольку, применив пытку хотя бы раз, ты пропал... Поймите, в основе всего этого лежит страх. Вся наша так называемая цивилизация — не более чем тонкий покров внешнего лоска. Поскреби его — и под ним обнаружится *страх*. Французы — и даже немцы — не мучители по натуре. Но внешний лоск исчезает, когда видишь перерезанные глотки *друзей*».

К этому противоречию обращается профессор философии из Нью-Йорка Майкл Левин в статье «Оправданность пытки», опубликованной в американском журнале «Ньюсуик» в 1992 году:

«Бывают ситуации, когда с точки зрения морали пытка не просто возможна, а необходима. Предположим, террорист заложил на Манхэттене бомбу, которая взорвется в полдень 4 июля, если... Далее, предположим, что его задержали в 10 утра того рокового дня, однако, предпочитая смерть провалу, он не говорит, где бомба... Если единственный способ спасти жизни людей — подвергнуть террориста самой мучительной боли, какие могут быть возражения? Думаю, их нет... Пытать лишь тех, чья вина очевидна, и исключительно ради спасения невинных людей —

(На предыдущей странице) Колодки — наказание, пять веков широко применявшееся в Англии. Титус Оутс сфабриковал дело о заговоре против короля Карла II, и 35 невинных казнили. В 1685 году Оутса осудили за лжесвидетельство. Привязали к повозке и пороли плетью всю дорогу из тюрьмы Олдгейт к позорному столбу в тюрьме Ньюгейт, а два дня спустя — по пути в Тайберн.

и граница между Нами и Ими останется четкой. Опасность того, что, причиняя боль ради сохранения правопорядка, западные демократии сойдутся с пути, ничтожно мала».

На первый взгляд эта аргументация кажется бесспорной. Однако «Международная Амнистия», организация, борющаяся за права человека и в первую очередь против применения пыток, доводит ее до логического конца:

«Человек признает, что заложил бомбу: пытка спасает множество жизней. Человек подозревается в закладке бомбы: пытка разрешает сомнения. У человека есть друг, подозреваемый в закладке бомбы: пытка приведет нас к подозреваемому. У человека есть опасные намерения, и он может замышлять закладку бомбы: пытка раскроет его планы. Человек знает типа с опасными намерениями и, возможно, сам придерживается того же образа мыслей: пытка приведет нас к их единомышленникам. Человек не сказал, где подозреваемый: пытка припугнет тех, кто тоже вздумает молчать».

Французский писатель Альбер Камю. Родился в Алжире, но переехал в Париж, где работал журналистом. Во время Второй мировой войны — участник Сопротивления. Автор выдающихся романов, лауреат Нобелевской премии по литературе 1957 года.

Французский писатель, лауреат Нобелевской премии Альбер Камю подчеркивал: «Пытки, возможно, спасли сколько-то жизней, ценой чести помогли обезвредить тридцать бомб, но одновременно породили пятьдесят новых террористов, которые, действуя иначе и в ином месте, убьют еще больше невинных людей».

Во все времена пытки официально оправдываются необходимостью получения информации: преступник должен раскрыть свои преступления и назвать имена сообщников, военнопленный — посвятить в планы своего генерала, еретик — признаться в своей вере и выдать единомышленников, как сегодня террорист, чьи действия могут угрожать жизни десятков или даже сотен ни в чем не повинных людей.

К сожалению, применение пыток, не имеющее оправдания само по себе, в данном случае омрачается рассмотрением их как наказания — эта двой-

ственность проглядывает во фразе профессора Левина «пытать лишь тех, чья вина очевидна». Как естественное следствие данного подхода поприще мучителей-профессионалов начинает привлекать лишь самых отъявленных садистов, а узаконенность пыток необходимостью получения информации или правовым наказанием за проступок оборачивается глумлением сильных над слабыми и менее удачливыми.

Однако мы — я (автор) и вы (читатель), разумеется, «люди благонамеренные» — никогда ни одного человека пытать не сможем. Или сможем? В 1974 году Стэнли Милгрэм со своей командой в лаборатории Йельского университета начал эксперименты над склонностью человека к подчинению. Он приглашал добровольцев принять участие в «исследованиях памяти». На собеседовании им говорили, что «люди хорошо запоминают информацию тогда, когда их наказывают за ошибки».

Каждого представляли «ученику», которого пристегивали в соседнем помещении к подобию электрического стула. Его руки помещали на металлические электроды. Испытуемых сажали к приборной панели. На ней находился ряд переключателей, на каждом указано напряжение — от 15 до 450 вольт. Последние четыре тумблера также были подписаны: «Опасно: труднопереносимый удар».

Под наблюдением помощников Милгрэма добровольцам приказывали включать все более мощное напряжение всякий раз, когда ученики давали неверные ответы. Испытуемые не знали, что переключатели были муляжами, а «ученики», кричавшие и молившие о пощаде, когда «электрические удары» становились все болезненнее, играли. Даже не принимая и внутренне сопротивляясь очевидным последствиям, многие добровольцы продолжали подчиняться приказам контролера, и 26 из 40 дошли до применения высочайшего напряжения.

В некоторых случаях ученик переставал кричать, а доброволец, даже опасаясь, что тот потерял сознание или погиб, продолжал подчиняться контролеру. Некий мистер Прози спросил: «Что, если он там умер? Сэр, он сказал мне, что может не вынести удара. Не хочу показаться грубым, но, думаю, вам надо на него взглянуть». Милгрэм отмечает: «Субъект... думает, что кого-то убивает, но выражается так, словно ведет светскую беседу».

Еще больше беспокойства вызывало поведение мистера Батты. Его «жертва» сидела перед ним в той же комнате, и когда после «удара» 150 вольт отказалась класть руки на электроды, тот заставил его силой. Милгрэм писал: «Удивило его полнейшее равнодушие к ученику: он едва ли считает того человеком. В то же время по отношению к экспериментатору он был послушен и вежлив».

*«Субъект...
думает,
что кого-то
убивает, но
выражается
так, словно
ведет светскую
беседу»*

Стэнли Милгрэм с «электрогенератором» из его экспериментов по изучению подчинения, проведенных в лаборатории Йельского университета. Ученый пришел к неутешительному выводу о том, что «американское демократическое общество не спасает своих граждан, попавших в подчинение к злонамеренной власти, от жестокости и бесчеловечности».

Выводы Милгрэма касаются социальной среды и системы воспитания в его стране, однако, к сожалению, в равной мере характеризуют всех нас:

«Тип характера, воспроизводимый американским демократическим обществом, не спасает его граждан, попавших в подчинение к злонамеренной власти, от жестокости и бесчеловечности. Значительная часть людей до тех пор, пока не сомневается, что приказ исходит от законной власти, исполняет его, не вдумываясь в смысл и не терзаясь угрызениями совести».

Психологический механизм подобного слепого подчинения с поразительной силой раскрыт Ханной Арендт в книге «Эйхман в Иерусалиме: Банальность зла» (1965). Размышляя, как «простые немцы» при нацистах могли исполнять приказ об «окончательном решении еврейского вопроса», самим Генрихом Гиммлером названный «самым ужасным из всех приказов, какие только может получить организация», она писала:

«И проблему представляла не их совесть, а обычная жалость нормального человека при виде физических страданий. Трюк, который использовал Гиммлер — а он, очевидно, и сам был подвержен таким инстинктивным

Реагировал в ходе эксперимента так, как каждому из нас хотелось бы думать о себе, один голландец, мистер Ренсаалер, переживший оккупацию Нидерландов нацистами. Он подчинился контролеру, пока не дошел до 255 вольт. Когда ему приказали продолжить, потому что у него нет выбора, он возмущенно ответил:

«Почему у меня нет выбора? Я пришел сюда по своей воле. Я думал, что смогу помочь научному исследованию. Но я не могу продолжать, если для этого мне надо причинять кому-то вред. Мне очень жаль. Думаю, я и без того зашел уже слишком далеко».

реакциям, — был одновременно и прост, и высокоэффективен: он состоял в развороте подобных реакций на 180 градусов, в обращении их на самих себя. Чтобы вместо того, чтобы сказать: “Какие ужасные вещи я совершаю с людьми”, убийца мог воскликнуть: “Какие ужасные вещи вынужден я наблюдать, исполняя свой долг, как тяжела задача, легшая на мои плечи!”» [цитируется по изд.: Арендт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М., 2008].

В одной важной книге — «Страдающее тело» (1985) — Элейн Скарри указала на то, как палачи и истязатели дистанцируются от своих жертв, не признавая тех людьми. Они редуцируют их до символов, а истязания, равно как и методы, инструменты и места пыток, называют банальными, взятыми из обихода словами.

В Аргентине пытку именуют «танцем», на Филиппинах — «днем рождения», в Греции — «закуской» (*hors d'oeuvres*), «чаепитием» или «чаепитием с тостами». В Бразилии истязание называли «телефон», во Вьетнаме — «полет», на Филиппинах — «мост Сан Хуанико».

Элейн Скарри обобщает этот аспект пытки:

«Язык истязателя, его действия и физические установки сводят мир узника к трем кругам: случайные технические и культурные воплощения цивилизации окружают два первичных социальных института медицины и права, те, в свою очередь, окружают фундаментальный тип убежища, комнату. И так же, как и признание узника, видимо, проявляется сокращением и сжатием его вселенной, так и истязатель запускает этот коллапс мира. Цивилизация доводится до заключенного и в его присутствии уничтожается, в том же самом процессе, в котором пытаются уничтожить его самого».

Это примеры современных пыток, и горькая правда состоит в том, что они до сих пор применяются как минимум полулегально во многих странах мира. Настоящая книга посвящена преимущественно истории пыток, описанию мучений жертв, а также орудиям и специальным инструментам, созданным для причинения этих мучений на протяжении многовековой истории. Однако «Международная Амнистия» постоянно указывает на продолжение жестоких издевательств, но уже не только над считающимися врагами народа, государства или общества, но и ни в чем не повинными несчастными жертвами, случайно привлеченными к себе внимание громил на государственной службе.

Двести лет назад шотландский поэт Роберт Бёрнс писал:

«Бесчеловечность человека к человеку
Несет бесчисленные тысячи скорбей».

«Какие ужасные вещи вынужден я наблюдать, исполняя свой долг».

P. VOERHOT.
F.

Пытки в Древних Греции и Риме

Насколько бы нам сегодня ни казались отвратительными пытки, важно помнить: на протяжении как минимум трех тысяч лет они были узаконены и входили в большинство кодексов стран Европы и Дальнего Востока. В правовых системах вавилонян и евреев пытки не упомянуты, однако есть свидетельства их применения ассирийцами и египтянами: возможно, древнейший письменный источник с упоминанием пытки принадлежит перу египетского поэта, писавшего, как около 1300 г. до н. э. во время войны с хеттами фараон Рамсес II пытал несчастных военнопленных в стремлении выведать у них расположение неприятельского войска.

В те времена военнопленных либо убивали на месте, либо обращали в рабство — и как рабов их дозволялось пытать. Военнопленных пытали и в Древней Греции. В своем описании Пелопоннесской войны (431–404 гг. до н. э.) Фукидид сообщает, как коринфяне и сиракузцы убили захваченного в плен афинского военачальника Демосфена, боясь, что их спартанские союзники будут его пытать и узнают об их предательских сношениях с афинянами.

Тем не менее пытки свободных граждан законодательство большинства греческих государств обычно запрещало. С другой стороны, рабы и иностранцы, на которых его действие не распространялось, были беззащитны. В особенности рабы часто выступали удобной заменой хозяев. В ходе судебного разбирательства привычным делом было предоставление сторонами своих рабов для пытки или требование выдачи для допроса с пристрастием рабов оппонента.

Как правило, пытка производилась публично, и тяжущиеся стороны имели право пытать сами. Однако чаще всего на помощь призывался городской истязатель, «басанистес» (сам нередко в прошлом раб), поскольку мучительство считалось занятием, недостойным свободного человека.

Из общего правила существовали исключения. При рассмотрении дел государственной важности, в особенности о государственной изме-

(На предыдущей странице) Изобретатель Перилай сделал для греческого тирана Фалариса орудие казни в виде полого медного быка. Жертву сажали в брюхо быка и разводили под ним костер. Фаларис приказал Перилаю самому продемонстрировать действие своего изобретения, запер его внутри быка и приказал развести огонь.

Военнопленных египтяне обращали в рабов и могли их выторговать, как и когда захочется. Около 1300 г. до н. э. во время войны с хеттами фараон Рамсес II пытал несчастных военнопленных в стремлении выведать у них расположение неприятельского войска.

не, пытать рабов могли потребовать власти. А если виновным признавали свободного гражданина, пытка могла быть одним из наказаний.

Даже самые просвещенные философы принимали использование пыток. Платон в своем утопическом замысле идеального государства признавал необходимость двойного стандарта: одного закона для свободных людей, другого — для рабов. Правонарушение, за которое свободному человеку полагалось лишь порицание, раб карался поркой, где на гражданина мог быть наложен штраф, рабу угрожала смертная казнь.

С точки зрения закона главным назначением пытки было получение информации, не выдаваемой подозреваемым добровольно. Поскольку граждан, как правило, пытать запрещалось, сведения пытались получать от тех, кто, скорее всего, был посвящен в дела хозяина. Тем не менее достоверность признания этих людей считалась спорной. Аристотель писал:

«Если пытка может быть для нас выгодна, следует преувеличивать ее значение, утверждая, что из всех видов свидетельств одна она может считаться истинной. Если же пытка не выгодна для нас и выгодна для нашего противника, в таком случае можно оспаривать истинность такого рода свидетельств путем рассуждения о характере пыток вообще». [пер. Н. Платоновой. По изд.: Античные риторика. М., 1978. с. 67].

Материалы одного из древнегреческих дел об убийстве помогают нам представить важность, придаваемую в то время — равно как и в наши дни — подобного рода показаниям. На обратном пути из горо-

да Митилены пропал торговец по имени Герод, на основе полученных под пыткой от раба пропавшего показаний в убийстве обвинили компаньона торговца Эвкситея.

Его защиту взял на себя оратор Антифон, заявивший суду:

«Вы заслушали доказательства длительных проволочек при проведении допроса под пыткой, обратите внимание на фактический характер этого допроса. Рабу, несомненно, обещали свободу, а ради избавления от страданий поддержать он мог только сторону обвинения. По-видимому, оба эти соображения и заставили его дать ложные показания. Он надеялся обрести свободу, а единственным его желанием было прекратить пытку. Думаю, не стоит вам напоминать, что под пыткой свидетели показывают в пользу тех, кто пытает сильнее. И скажут что угодно, лишь бы им угодить».

Пассаж из комедии Аристофана «Лягушки» (ок. 406 до н. э.) показывает нам, какие пытки претерпевали афинские рабы. Ксанфий, слуга Диониса, переодевшись Гераклом, отправляется в Аид, а Дионис избражает его раба. Эак, один из судей подземного царства, вызывает их, и Ксанфий предлагает своего «раба» для пытки:

«Эак:

Но как пытать?

Ксанфий:

По-разному: плетями бей.

Души, дави, на дыбу вздерни, жги, дери,

Крути суставы, можешь в ноздри уксус лить,

Класть кирпичи на брюхо. Можешь все! Прошу

Лишь об одном: не бей его былинкою!»

[Пер. А. Пиотровского. Аристофан: Избранные комедии. М., 1974. с. 390]

Тираны-мучители

В старые времена греческими государствами управляли «тираны» — состоятельные люди, незаконно захватившие власть. Много веков спустя римский писатель Валерий Максим, автор собрания исторических анекдотов, описывал пытки, учинявшиеся этими правителями. Согласно Валерию, философ Зенон Элейский участвовал в заговоре против тирана Неарха, и его пытали, чтобы он выдал сообщников. И когда боль стала невыносимой, Зенон сказал истязателям, что готов раскрыть тайну только Неарху лично, а когда тиран склонился, чтобы расслышать шепот Зенона, философ откусил ему ухо.

Другой жертвой был «благородный Теодор», претерпевший бичевание, дыбу, клеймение раскаленным железом, не выдав сообщников в заговоре

***Когда тиран
наклонился,
чтобы
расслышать
шепот Зенона,
философ
откусил ему
ухо.***